

РАЗВОД.
ГЕНЕРАЛ
ПОВЕРИЛ ВСЕМ,
КРОМЕ ЖЕНЫ

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

**Развод. Генерал поверил
всем, кроме жены**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод. Генерал поверил всем, кроме жены / П. Лимонов —
«Автор», 2026

Я поверил команде фонда, продюсеру и удобной версии событий. Всем, кроме жены, с которой прожил двадцать четыре года. На премьере фильма о моей работе на экране появились наши личные письма и семейные фотографии. Вера не давала согласия на публикацию. Вместо того чтобы защитить ее, я допустил, что архив передала она. Одной осторожной фразы хватило, чтобы журналисты назначили виновную, заказчики отвернулись от ее реставрационного бюро, а наш развод стал публичным. Уже на следующий день следы утечки привели к людям, которым доверял я. Теперь мне предстоит очистить имя Веры, найти источник незаконной передачи документов и признать собственную вину перед теми же камерами. Но генеральское звание здесь бесполезно: Вера не просит спасти ее и не собирается возвращаться в прежний брак. Если я хочу второй шанс, сначала должен научиться тому, чего не умел двадцать четыре года: верить жене, уважать ее решение и принять, что она может выбрать жизнь без меня.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Семь минут до премьеры	5
ГЛАВА 2. Утро после фильма	10
ГЛАВА 3. Подтверждение	16
ГЛАВА 4. Условия доступа	22
ГЛАВА 5. Чужой скан	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павел Лимонов

Развод. Генерал поверил всем, кроме жены

ГЛАВА 1. Семь минут до премьеры

Жена попросила меня подтвердить развод за семь минут до премьеры фильма, в котором я должен был выглядеть человеком, которому можно доверять.

Мы стояли в боковом коридоре кинотеатра. За дверью помощники рассаживали гостей, проверяли фамилии по списку и искали два места для людей, которых никто не приглашал, но отказать им уже не мог. До начала оставалось достаточно времени, чтобы поправить звук или заменить табличку на кресле. Для разговора о двадцати четырех годах брака этих минут не хватало.

Вера держала телефон перед собой. На экране была открыта электронная форма с моей фамилией и кнопкой подтверждения. Я видел тот же запрос пять дней назад. Прочитал его в машине, поставил себе напоминание на вечер и перенес напоминание трижды.

— Ты выбрала удачный момент, — сказал я.

— Первый момент был в воскресенье. Потом в понедельник, во вторник и сегодня утром.

Она говорила спокойно. На ней было темно-синее платье, которое я помнил по открытию выставки два года назад, и тонкие серьги без камней. Обручального кольца не было. Я заметил это только сейчас, хотя Вера переехала из нашей квартиры еще в середине сентября.

— После показа мы поедem домой и обсудим все нормально.

— В какую из квартир?

Она произнесла вопрос ровно. Слово «домой» уже не соответствовало фактам и требовало уточнения, которого я не предусмотрел.

— В нашу.

— Я там больше не живу. Ты это знаешь.

— Ты забрала вещи на время.

— Я сняла квартиру на одиннадцать месяцев и внесла обеспечительный платеж. Это не поездка на дачу.

Из зала донеслась короткая музыкальная заставка. Техник проверял уровень перед началом. Я взглянул на часы и сразу понял, что Вера заметила этот взгляд.

— Роман, я не задержу премьеру. Подтверди заявление или откажись. Если откажешься, я подам в суд. Мне нужно понимать процедуру.

— Тебе обязательно решить это сегодня?

— Я решила три месяца назад. Сегодня мне нужен твой ответ.

Три месяца назад мы ужинали дома. Вера спросила, подписал ли я контракт с фондом, и я сказал, что подписал утром. Она напомнила, что мы собирались обсудить два года моей новой работы до решения, а не после. Я ответил, что вернусь к этому разговору, когда закончится подготовка фильма. В тот вечер она впервые произнесла слово «развод». Я счел его требованием пересмотреть график.

Вера смотрела на меня и ждала. Я мог достать телефон, открыть услугу и подтвердить подачу. Это заняло бы меньше минуты. Вместо этого я спросил:

— Почему перед премьерой?

— Потому что после премьеры у тебя будет прием, утром совет фонда, затем интервью и поездка в Тулу. Ты снова предложишь мне дожидаться свободного вечера.

— Поездку можно перенести.

— Перенеси. Но заявление все равно подтверди.

Дверь в коридор открылась. Денис Костров остановился на пороге, оценил расстояние между нами и не стал подходить ближе.

— Роман Ильич, четыре минуты. Первый ряд готов. Вера Павловна, ваше место справа от Романа Ильича.

— Мое место в пятом ряду, — ответила Вера. — Я просила изменить рассадку.

Денис повернулся ко мне. Я не видел новой схемы и не собирался обсуждать ее в коридоре.

— Сделайте, как просила Вера Павловна.

— Уже сделали. Я хотел убедиться, что это не ошибка администратора.

Он исчез за дверью. Вера погасила экран телефона.

— До понедельника, — сказал я. — В понедельник подтвердим вместе и выберем дату.

— Дату выбирает система после подачи.

— Значит, подтвердим подачу.

— В понедельник утром. Не после заседания.

— В десять.

— В девять. У меня прием материалов в одиннадцать.

Я согласился. Она убрала телефон в сумку и первой пошла к залу. Я пропустил ее вперед, хотя в коридоре было достаточно места для двоих.

Фильм назывался «Служба, которой не видно». Фонд заказал его год назад к десятилетию программы помощи семьям ветеранов. В центре истории были сотрудники, волонтеры и люди, получившие поддержку. Мой рассказ занимал около двенадцати минут. Я видел рабочий монтаж в июне и финальную версию без титров в августе. Денис уверял, что после этого менялись только музыка, цвет и несколько переходов.

Вера сидела через три ряда от меня рядом с Надеждой Ушаковой, которую я знал как юриста ее бюро. До разговора в коридоре я не замечал Надежду среди гостей. Теперь ее присутствие получило другое объяснение.

Свет погас. Первые двадцать минут прошли так, как я ожидал. На экране появились фотографии первых выездных выставок, интервью с вдовами офицеров, кадры из мастерских. Вера помогала фонду с двумя коллекциями и согласовывала подписи к фотографиям. В титрах ее фамилия должна была стоять среди консультантов.

На тридцать второй минуте начался блок обо мне. Сначала показали зал военного училища, затем старую запись моего выпуска и несколько официальных фотографий. Голос за кадром рассказывал, как служба меняла города и семьи. Я знал этот текст почти дословно.

Потом на экране появилось письмо.

Я узнал бумагу до того, как камера показала подпись. Лист был вырван из блокнота в клетку. В правом верхнем углу стояло темное пятно от воды. Двадцать три года назад я написал это письмо Вере из госпиталя после учебной аварии. Ничего секретного в нем не было. Я просил ее не приезжать, потому что через два дня меня обещали выписать, и в конце сообщал, что впервые за неделю съел нормальный обед. Между этими фразами находились слова, которые не предназначались для общего просмотра.

Закадровый голос прочитал два предложения о том, что я держусь только потому, что Вера ждет меня дома.

Я повернулся к Денису. Он сидел через одно кресло слева и смотрел на экран. Между нами находилась Ирина Белова, председатель совета фонда. Я наклонился вперед.

— Этого не было в согласованной версии.

Денис ответил тихо:

— Режиссер вернул семейную линию. Она была в раннем монтаже.

— Я ее не утверждал.

— У нас есть разрешение на семейный архив. После показа подниму пакет.

На экране письмо сменилось фотографией Веры с новорожденной Дарьей. Снимок сделал мой отец в роддоме. Вера сидела у окна, держала дочь и смеялась, потому что отец в третий раз забыл снять крышку с объектива. Я не помнил, чтобы эта фотография когда-либо участвовала в выставках.

Вера закрыла лежавшую на коленях программу. Рядом с ней Надежда наклонилась и что-то спросила. Вера ответила, не поворачивая головы. По ее лицу я не мог определить больше, чем видел: она не ожидала этих материалов и уже решала, что делать.

— Остановить показ? — спросила Ирина.

Вопрос предназначался мне и Денису. В зале находились сто восемьдесят человек, среди них журналисты, партнеры и герои фильма. Остановка привлекла бы внимание к письму раньше, чем мы поняли причину его появления. Я посмотрел на счетчик времени. До конца блока оставалось три минуты.

— Пусть идет, — сказал я. — После показа задержим режиссера и продюсера.

Ирина кивнула. Денис достал телефон и набрал сообщение. Тогда я считал, что сохраняю порядок. Вера после скажет, что я сохранил показ, потому что его срыв был неудобен мне, а ее согласие оказалось менее важным. Возразить на это мне будет нечем.

Фильм продолжился. Семейный блок завершился кадром нашей общей квартиры: стеллаж в кабинете, две архивные коробки на столе и фотография с серебряной свадьбы моих родителей. Камера снимала помещение в июле, когда группа приезжала ко мне для интервью. Вера в тот день работала. Я разрешил оператору снять кабинет, но коробки должны были оставаться закрытыми.

После титров зал аплодировал стоя. Я поднялся вместе со всеми. Вера осталась на месте, пока не включили свет, затем сказала несколько слов Надежде. Они вышли в фойе до начала обсуждения.

На сцену пригласили режиссера, двух героев фильма и меня. Денис занял место сбоку, откуда мог видеть журналистов и подавать ведущему знаки. Первые вопросы касались фонда, бюджета программы и людей, снимавшихся в картине. Я отвечал по существу. Режиссер говорил дольше, чем требовалось, и благодарил семьи за доверие.

Женщина из второго ряда представилась обозревателем сетевого журнала.

— Роман Ильич, семейные письма сделали фильм намного личнее. Кто предложил их использовать?

Режиссер потянулся к микрофону, но Денис едва заметно покачал головой. Я ответил сам:

— Этот вопрос мы разберем с продюсерской группой. Часть материалов не входила в версию, которую я видел до премьеры.

В зале сразу поднялись еще три руки.

— То есть письма появились без вашего согласия?

— Я не давал согласия на публикацию показанного письма.

— Откуда создатели получили оригинал?

Я видел фотографию письма в высоком разрешении. Сканировали не копию из семейного альбома. Оригинал хранился в коробке в нашем кабинете, доступ к которому имели я и Вера. Летом в квартире работала съемочная группа, но коробки при мне не открывали.

Денис подошел к краю сцены и тихо произнес, чтобы слышал только я:

— Семейный архив, ограниченный круг. До проверки никаких имен.

Это было разумное правило для внутреннего расследования и плохой ответ на публичный вопрос. Я понимал разницу. И все же сказал:

— Оригиналы находились в семейном архиве. Доступ к нему имел ограниченный круг людей. Завтра фонд начнет проверку, и до ее завершения я не стану называть чьи-либо имена.

Обозреватель не опустила руку.

— Ваша жена профессионально занимается архивами и консультировала фильм. Она входила в этот круг?

Я увидел Веру у дальней стены фойе за стеклянными дверями. Телефон был прижат к ее уху, Надежда стояла рядом и делала пометки. Вера смотрела в зал через стекло.

— Я сказал, что не буду обсуждать людей до проверки, — ответил я.

Формально я не обвинил ее. Я также не сказал, что доверяю жене и не верю в ее причастность. Для заголовка такой разницы не существовало.

Ведущий попытался передать слово следующему журналисту, но вопрос уже определил оставшуюся часть обсуждения. Меня спрашивали, возможен ли иск, остановит ли фонд выпуск фильма, кто отвечал за хранение документов. Режиссер сообщил, что все материалы получены от заказчика законно. Денис записал эту фразу и отправил кому-то сообщение.

Когда обсуждение закончилось, Ирина увела продюсера и режиссера в комнату администрации. Я спустился со сцены и нашел Веру в пустой части гардероба. Надежда разговаривала с администратором кинотеатра и просила сохранить копию показанной версии, запись обсуждения и схему передачи файла на сервер.

— Вера.

Она повернулась.

— Ты знал, что этого блока не было в согласованном монтаже? — спросила она.

— Узнал во время показа.

— Почему не остановил?

— До конца блока оставалось три минуты. Остановка не вернула бы материалы обратно и создала бы панику до проверки.

— А продолжение показа что создало?

— Нам нужно установить источник.

— Это ответ на другой вопрос.

Рядом прошли двое гостей. Они узнали меня, замедлили шаг, затем решили не здороваться. Вера дождалась, когда они отойдут.

— Почему ты не сказал, что я не передавала письма?

— Потому что я пока не знаю, кто их передал.

— Я спросила не об этом. Ты знаешь, передавала ли их я?

Я мог ответить сразу. За двадцать четыре года Вера ни разу не использовала чужой документ без разрешения. Она отказывалась показывать заказчикам семейные снимки, если в договоре не было отдельного согласия каждого изображенного человека. Она спорила со мной из-за подписей к фотографиям, на которых фонд хотел оставить только звания мужчин и убрать имена жен.

В то же время оригинал письма хранился дома. Вера работала консультантом фильма. Я привык отвечать только на то, что мог подтвердить.

Пауза заняла несколько секунд. Этого хватило.

— Понятно, — сказала она.

— Я не обвинял тебя.

— Ты сообщил, что архив семейный и круг ограничен. Потом отказался ответить на прямой вопрос обо мне. Ты много лет работаешь с прессой, поэтому не надо делать вид, будто результат оказался неожиданным.

— Утром соберется совет. Мы поднимем договоры и доступы.

— Надежда уже направляет требование сохранить все версии фильма, переписку и данные о загрузке. Мое бюро завтра отдельно уведомит заказчиков.

— Давай хотя бы сейчас уедем вместе.

— Куда?

— Поговорить без журналистов.

— О чем именно?

— О разводе. О фильме. О нас.

— О разводе я говорила с тобой три месяца. О фильме будем говорить при юристах, пока не установим, кто использовал материалы. Обо мне ты сегодня уже высказался перед залом.

— Я подтвердил встречу в понедельник.

— Подтвердил словами. Электронный запрос по-прежнему ждет ответа.

Я достал телефон. Входящие сообщения занимали весь экран: помощник, Ирина, двое партнеров, Дарья. Наверху висело уведомление об услуге, которое я откладывал с воскресенья.

— Сейчас? — спросил я.

— Нет. Сейчас ты сделаешь это, чтобы остановить меня, а утром решишь, что я воспользовалась скандалом. В понедельник, как договорились. В девять.

Надежда подошла к нам.

— Вера Павловна, кинотеатр подтвердил сохранение файла. Роман Ильич, копия требования через пять минут уйдет фонду и продюсеру. Прошу до получения не удалять рабочую переписку и не давать сотрудникам поручений по очистке папок.

— Таких поручений не будет.

— Я зафиксирую ваш ответ.

Она произнесла это без вызова и записала время. Вера надела пальто. Я хотел помочь, но она уже застегнула пуговицы.

— Я позвоню после совета, — сказал я.

— По фильму связывайся с Надеждой. По заявлению увидимся в понедельник.

— А если я захочу поговорить с женой?

Вера посмотрела на меня внимательно, словно проверяла точность формулировки.

— Сегодня ты выбрал говорить о жене с журналистами. На этом закончим.

Она ушла вместе с Надеждой. Я не пошел следом. У входа их ждали фотографии, а мое появление рядом превратило бы любой жест в новую версию событий.

Денис нашел меня через минуту.

— Нам надо вернуться в пресс-зону. Уже вышли первые публикации. Я подготовлю короткий комментарий: фонд проверяет происхождение материалов, семья сотрудничает.

— Фразу про семью убери.

— Она нейтральная.

— После вопроса о Вере она не нейтральная. Убери.

— Хорошо. Тогда только проверка и отсутствие выводов.

Мы вернулись к залу. За стеклянными дверями стояли журналисты, которым уже не был нужен фильм целиком. Один из них держал телефон экраном ко мне. На странице была фотография со сцены и заголовок: «Жена генерала передала его личные письма создателям фильма?»

Я прочитал заголовок полностью, передал телефон владельцу и встал к микрофонам. До конца вечера оставалось одиннадцать вопросов. На каждый из них мне пришлось отвечать после того, как самый важный ответ я не дал.

ГЛАВА 2. Утро после фильма

Заседание совета началось в девять, хотя к восьми сорока все уже сидели за столом. В обычную субботу в фонде работала только дежурная группа, но после премьеры обычного расписания у нас не осталось. Ирина Белова приехала первой. Она положила перед собой распечатку публикаций и не притронулась к кофе, который принес секретарь.

Я занял место напротив нее. Справа от меня сидел Денис Костров, рядом с ним — юрист фонда Лев Аркадьевич. Руководитель архивного отдела подключилась по видеосвязи из Петербурга. Еще двое членов совета участвовали удаленно. На экране за их окнами было раннее серое утро, а в нашей переговорной горел весь верхний свет.

— Начнем с фактов, — сказала Ирина. — Не с того, как это выглядит, и не с того, что можно сказать прессе. Какие материалы появились в фильме без согласованного перечня?

Лев Аркадьевич открыл папку.

— Семейная фотография из роддома, два фрагмента личного письма Романа Ильича жене и оборот конверта с домашним адресом. В титрах источник указан как семейный архив Мезенцевых. В приложении к договору с продюсером эти материалы обозначены общей строкой: личная корреспонденция и фотографии периода с тысяча девятьсот девяносто девятого по две тысячи третий год.

— В утвержденном монтажном листе их не было, — сказала руководитель архивного отдела.

— В том, который видели вы и бюро Веры Павловны, не было, — уточнил Денис. — Продюсер доснял несколько переходов. Финальная версия пришла поздно вечером в четверг.

Я повернулся к нему.

— Когда именно?

— После одиннадцати. Команда проверила длительность, звук и титры. Полный просмотр до премьеры физически не помещался в график.

— Кто решил, что он не нужен?

Денис выдержал паузу, достаточную для выбора слов.

— Я. У нас были письменные гарантии продюсера, что новых материалов в версии нет.

— Эти гарантии уже запросили? — спросила Ирина.

— Да.

Она сделала пометку и посмотрела на меня.

— Теперь о вашем ответе журналистам. Вы знали, кто передал фотографию?

— Нет.

— Знали, что доступ к семейному архиву имела Вера Павловна?

— Да. Как и я, Дарья, сотрудники ее бюро по договору и люди, работавшие с материалами прежних выставок.

— Но последних вы вчера не назвали.

— Не назвал.

Я мог объяснить, что вопрос задали в прямом эфире, что Денис предупредил о юридическом риске, что любое перечисление превратилось бы в обвинение. Все это было верно и ничего не меняло. Я назвал семейный круг, хотя круг был шире. Для зрителя оставалось два человека: я и Вера. Себя я в тот вечер подозреваемым не сделал.

Ирина не стала продолжать. Она подвинула ко мне распечатку. В верхней публикации стоял вчерашний заголовок, ниже — расшифровка моего ответа. Еще ниже редакция уже добавила справку о бюро Веры и его работе с семейным архивом.

— В восемь двенадцать заказчик приостановил договор с ее бюро, — сообщила Ирина. — До выяснения обстоятельств. Они реставрируют коллекцию купеческой переписки для городской выставки. Заказчик опасается претензий владельцев.

Мне не требовалось уточнять, что значит приостановка для шести сотрудников. Бюро не было крупной компанией с запасом на полгода. Вера платила людям вовремя, но свободные деньги вкладывала в оборудование и аренду лаборатории.

— Кто сообщил фонду? — спросил я.

— Их юрист. В семь пятьдесят три нам направили требование сохранить переписку, исходные файлы, журналы доступа, резервные копии и записи совещаний. Оно касается фонда, продюсера и подрядчика по оцифровке.

Лев Аркадьевич передал мне копию. Под документом стояла подпись Надежды Ушаковой. Формулировки были спокойными и исчерпывающими. Срок ответа — конец рабочего дня в понедельник. До завершения проверки фонд должен был исключить удаление, перезапись и обычную ротацию резервных копий.

— Распоряжение технической службе дано? — спросил я.

— В восемь ноль семь, — ответил юрист. — Подтверждение есть.

— Продюсеру?

— Отправили. Получение зафиксировано.

— Подрядчику?

— Пока только через адрес, указанный в договоре. Сегодня у них нерабочий день.

— Найдите ответственного и вручите уведомление официально. Без просьб удалить лишнее, привести папки в порядок или подготовить выборку. Нужны данные в том виде, в каком они есть сейчас.

Денис откинулся на спинку кресла.

— Никто не собирается ничего удалять. Но если мы позволим чужому адвокату определять режим работы фонда, то сами подтвердим наличие нарушения.

— Мы подтверждаем только сохранность материала, — сказал Лев Аркадьевич. — Это разумная мера, и совет должен был ввести ее сам еще ночью.

— Тогда введем сейчас, — решил я. — Подготовьте приказ. Отдельно запретите любые изменения в папках проекта без участия юриста и технического специалиста.

Ирина кивнула секретарю. Первое решение было принято единогласно.

Со вторым оказалось сложнее.

Руководитель архивного отдела вывела на экран таблицу доступа. Моя учетная запись позволяла просматривать все материалы проекта. У Дениса был доступ к папке фильма, а Вера и двое ее сотрудников могли загружать описания и подготовленные изображения, но не входили в монтажную папку продюсера.

— Семейный архив оцифровывали еще три года назад для выставки, — сказала руководитель. — Тогда был другой подрядчик и другой порядок хранения.

— Список участников старого проекта есть? — спросил я.

— Поднимаем. Договор в бумажном архиве, приложения отсканированы не полностью. Денис провел пальцем по таблице.

— В текущей папке исходные письма появились с учетной записи бюро.

— Какие именно исходные письма? — спросила Ирина.

— Папка называется «Семейная переписка». Загрузка от второго сентября. Владелец учетной записи — Вера Павловна.

— Владелец и пользователь — одно лицо?

— Учетная запись именная.

— Это не ответ.

Денис посмотрел на руководителя архивного отдела. Та приблизила таблицу.

— В журнале виден владелец доступа, но не конкретный компьютер внутри сети бюро.

— Что именно загрузили второго сентября? — спросил я.

— Пока не знаем. Ночной администратор выгружает историю версий.

— Значит, фраза про исходные письма была преждевременной, — сказала Ирина.

— Папка содержит эти файлы сейчас, — возразил Денис. — Я говорю о том, что мы можем подтвердить.

— Сейчас мы можем подтвердить название папки и запись о загрузке. Не происхождение каждого файла.

Я видел привычную управленческую проблему: действующий доступ мог изменить данные или породить новый повод для обвинений. Обычно я решал ее отстранением до проверки. Теперь решение касалось Веры.

— Доступ бюро к проекту приостановить, — сказал я. — Не к серверу фонда вообще, если у них есть другие задачи, а ко всем папкам, связанным с фильмом и семейным архивом. Снимок прав и журналов сделать до изменения. Отправить им уведомление с причиной и сроком пересмотра.

Ирина подняла глаза от документов.

— Вы понимаете, как это будет истолковано после вашего вчерашнего ответа?

— Понимаю. Но сохранить действующий доступ человеку, чья учетная запись фигурирует в журнале, мы тоже не можем.

— Тогда приостановить нужно всех, кто мог загружать или менять материалы, — сказала она. — Включая вас и Дениса.

— Согласен.

— У меня идет кризисная коммуникация, — возразил Денис. — Без папки проекта я не смогу отвечать на запросы.

— Получайте копии через юриста. Только для чтения и с регистрацией. Мою учетную запись закрыть на тех же условиях.

Руководитель архивного отдела записала решение. Я заметил, как Денис переставил телефон ближе к папке, будто потеря доступа уже сделала стол менее надежным местом.

Совет утвердил состав внутренней комиссии, запрос независимого специалиста и временный порядок общения с прессой. Ни в одном пункте не было фамилии виновного. И все же к концу заседания в городских каналах появились сообщения о том, что фонд ограничил доступ бюро Веры Мезенцевой после скандала на премьере.

— Откуда утечка? — спросила Ирина, когда секретарь показал публикацию.

— Решение знали девять человек, — ответил Денис. — И техническая служба.

— Я не спрашивала, сколько людей знали.

— Выясню.

Я попросил прислать мне ссылку. Текст был коротким. Автор ссылался на источник в фонде и связывал ограничение с возможной передачей семейных документов создателям фильма. О моем закрытом доступе там не говорилось. О доступе Дениса тоже.

— Выпускаем сообщение целиком, — сказал я. — С перечнем временно ограниченных учетных записей.

— Называть директора и руководителя коммуникаций неразумно, — возразил Денис. — Это создаст впечатление полной потери контроля.

— Неразумно оставлять единственной названной стороной бюро Веры.

— Мы официально его не называли.

— Но кому-то было удобно назвать.

Он выдержал мой взгляд.

— Вы на что намекаете?

— Пока ни на что. Выпустите точный список решений совета без фамилий подрядчиков и объясните, что ограничения применены ко всем сторонам, связанным с проектом.

Ирина поддержала формулировку. Денис не спорил дальше, но попросил двадцать минут на согласование.

После заседания я позвонил Вере. Она не ответила. Через минуту пришло сообщение: «По архиву — через Надежду. По разводу — в понедельник в девять у отдела ЗАГС. Срочные вопросы по квартире можно письменно».

Я написал, что хотел сообщить ей о решении совета до публикации, и остановился. Публикация уже вышла. Теперь любое сообщение выглядело бы объяснением моего опоздания.

Я стер текст и набрал другой: «Совет временно закрыл доступ к материалам фильма для всех участников, включая меня и Дениса. Формулировка в первой публикации неполная. Исправление фонд выпустит сегодня».

Ответ пришел через несколько минут.

«Уведомление о закрытии доступа бюро я получила в 10:41. Ваше сообщение — в 10:58. Заказчик прислал ссылку на публикацию в 10:46. Дальше по этому вопросу общается Надежда».

Время было указано не для упрека. Вера много лет вела описи так, чтобы любой человек мог восстановить последовательность действий без догадок. Теперь последовательность выглядела хуже любого упрека.

Я нашел Надежду в списке контактов и позвонил ей.

— Роман Ильич, — сказала она после приветствия, — если вы хотите обсудить сохранность данных, я подключу нашего технического консультанта. Личные вопросы я не передаю.

— Мне нужна копия уведомления, которое получило бюро. Хочу проверить основание и формулировку.

— Копия уже направлена юристу фонда.

— Я подписал решение.

— Тогда спросите у юриста фонда, что именно вы подписали.

— Надежда, решение касалось сохранения данных, а не признания вины.

— Для суда это будет видно из протокола. Для заказчика Веры сейчас видно другое: вчера ее муж указал на семейный круг, сегодня фонд закрыл ее доступ. Поэтому мы просим не объяснять ей значение ваших действий. Значение определяют документы и последствия.

— Я могу чем-то помочь бюро?

— Не связываясь с заказчиком и не предлагая деньги. Если помощь понадобится, Вера Павловна попросит сама.

— Она не попросит.

— Это не дает вам права решить за нее.

К полудню фонд опубликовал исправление. В тексте говорилось, что доступ временно ограничен для всех учетных записей, связанных с подготовкой и передачей материалов фильма, в том числе для руководства фонда. Никаких выводов о происхождении спорных файлов комиссия не сделала. Публикации обновили заголовки не сразу. Некоторые не обновили вовсе.

Денис принес план ответов. Сегодняшние показы отменили до удаления кадра с домашним адресом.

— Кто дал продюсеру разрешение использовать письма?

— В пакете есть общий акт. Я передал его юристам.

— Чья подпись?

— Ваша. Со старой выставки.

Я протянул руку.

— Покажите.

— Оригинал под сохранностью. Копию сейчас запросил Лев Аркадьевич. Но там стандартная формулировка о праве оцифровки и использования материалов в просветительских проектах фонда.

— Фильм относится к таким проектам?

— По договору — да.

— А частная переписка?

— В приложении она включена в состав переданных материалов.

— Кто составлял приложение?

— Команда выставки. Три года назад я еще не работал в фонде.

Документ существовал, подпись была моей. При таком наборе фактов ответственность легко становилась общей и потому удобной.

— Найдите всех, кто готовил приложение, — сказал я. — И всю переписку с бюро за этот год. Не выборку. Полностью.

— Это уже делает комиссия.

— Тогда не мешайте ей сокращенными версиями.

Денис поджал губы.

— Вы считаете, что я что-то скрываю?

— Я считаю, что вчера согласился на предложенную вами формулировку, не проверив факты. Второй раз этого не будет.

Он ушел, оставив план ответов на краю стола.

Доступ к серверу у меня уже закрыли, поэтому переписку принес Лев Аркадьевич на отдельном носителе. Мы работали в комнате комиссии. Файлы открывались только на компьютере без внешней сети, а каждое действие фиксировал секретарь. Такой порядок казался избыточным еще сутки назад. Теперь я был благодарен за то, что не мог ничего исправить даже случайно.

В папке было сто восемьдесят семь писем. Большинство касалось сроков, форматов изображений и подписей к экспонатам. Вера отвечала коротко, но никогда односложно. Если запрещала действие, указывала причину и допустимый вариант. Если соглашалась, перечисляла конкретные материалы.

Я начал с августа, когда продюсер запросил расширение визуального ряда. В письме Дениса говорилось, что фильму не хватает личной интонации и нужны документы, показывающие службу через семейную жизнь. Вера ответила через сорок минут.

«Для фильма можно использовать фотографии, включенные в перечень 4-Б, и фрагменты трех писем, ранее опубликованных в каталоге выставки. Остальная семейная переписка, медицинские документы, фотографии из роддома и материалы с домашними адресами представлены фонду только для описи и хранения. Их копирование, передача продюсеру и публичное использование не разрешены».

Ниже стоял список из двенадцати допустимых файлов. Фотографии с Дарьей среди них не было. Письма, показанного на премьере, тоже.

Денис ответил: «Принято. Работаем в пределах перечня».

Через четыре дня Вера повторила ограничение, когда монтажная группа попросила открыть всю папку семейной переписки. Она предложила подготовить обезличенные выдержки и отказалась передавать исходные сканы. Ответ от имени фонда подписала координатор проекта: запрос снят.

Я попросил секретаря открыть свойства первого письма. Адресаты: Денис, координатор, архивный отдел и я.

— Письмо поступило в мой ящик? — спросил я.

— Да. Двадцать первого августа в четырнадцать семнадцать.

Я помнил этот день. Утром мы обсуждали финансирование выездной выставки, потом я уехал на встречу в министерство, вечером был ужин с попечителями. Почту мне сортировал помощник. Письма по текущим проектам без пометки «лично» попадали в ежедневную подборку. Я пролистал подборку в машине и отметил два пункта, связанные с бюджетом. Ограничение Веры было на второй странице.

— Есть подтверждение, что я открыл вложение? — спросил я.

— Система фиксирует открытие подборки, а не каждого письма внутри, — ответил Лев Аркадьевич.

Мне хотелось сказать, что я не видел. Для комиссии это могло иметь значение при оценке умысла. Для Веры значение было другим: она предупредила прямо, адресовала письмо мне и получила подтверждение от моего сотрудника. Я создал порядок, при котором важное сообщение жены стало одной строкой среди служебных задач, а потом публично допустил, что именно она нарушила границы.

— Добавьте это письмо в перечень ключевых документов, — сказал я.

— Уже добавил.

— И обе подборки, в которых оно находилось. С отметками времени.

Юрист записал.

Я перечитал ответ Дениса. «Принято. Работаем в пределах перечня». В нем не было двусмысленности, которую можно списать на устную договоренность. Он знал ограничение. Я тоже должен был знать.

За окном начинало темнеть. В комнате комиссии секретарь менял заполненный лист журнала на чистый. Лев Аркадьевич спросил, продолжим ли мы с сентябрьской перепиской или перенесем работу на понедельник.

— Продолжайте без меня по протоколу, — ответил я. — Мне нужно подготовиться к встрече в ЗАГС.

Я забрал только номер входящего письма и записал его в блокнот. Сам документ остался в комнате. Впервые с начала проверки у меня был факт, который мог снять с Веры прямое подозрение. Он существовал со второго дня подготовки фильма и все это время лежал в моей почте.

Предупреждение было не намеком, не семейной просьбой и не фразой, которую можно понять по-разному. Вера перечислила запрещенные материалы, назвала допустимые и получила ответ о соблюдении условий. Ошибка начиналась не там, где кто-то позднее вынес файл из папки. Она начиналась в тот момент, когда точное письмо стало для меня неважным только потому, что его написала жена.

ГЛАВА 3. Подтверждение

До отдела ЗАГС оставалось два квартала, когда водитель спросил, ждать ли меня после встречи. Вопрос был обычным, но ответ требовал точности. Если машина останется у входа, Вера решит, что я рассчитываю уехать один. Если отпущу водителя, это не превратит нас в супругов, которые отправились вместе решать семейное дело.

— Возвращайтесь в фонд, — сказал я. — Дальше доберусь сам.

Он подтвердил распоряжение, высадил меня у сквера и уехал. Было без десяти девять. Вера уже стояла у входа, просматривая документы в телефоне. На ней было темно-синее пальто, которое я видел прошлой осенью, и новая сумка для ноутбука. Раньше я бы спросил, зачем она купила еще одну. Теперь понял, что не знаю, когда появилась первая причина для замены.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе. Паспорт с собой?

— Да.

— Госпошлину оплатил?

— Вчера вечером.

Она проверила время.

— У нас запись на девять двадцать на случай, если портал снова выдаст ошибку. Подтверждение можно сделать сейчас. Отдел и дата уже указаны в приглашении. Если система примет обе подписи, внутрь заходить не придется.

— Сначала поговорим.

— О заявлении я готова говорить. Об утечке — только с Надеждой.

— Не об утечке. О разводе.

Вера убрала телефон, но с места не двинулась.

— Тогда говори.

За скамьей дворник собирал мокрые листья в мешки. Люди проходили к дверям, показывали охраннику телефоны с записью. Я предложил пройти в сквер, и Вера согласилась. Мы отошли от входа настолько, чтобы не мешать другим, но остались в пределах видимости таблички.

— Вчера я прочитал твое письмо по архиву, — начал я. — Ты прямо запретила использовать эти материалы. Денис подтвердил получение.

— Это относится к утечке.

— Относится и к моему ответу на премьере. Я был неправ.

— Да.

Она не добавила ни упрека, ни облегчения. Я рассчитывал хотя бы объяснить, почему не возразил сразу, но вся подготовленная логика сводилась к тому, что я предпочел осторожность, когда рисковала она, и точность, когда риск коснулся фонда.

— Проверка только началась, — продолжил я. — Если сейчас подтвердить заявление, регистрация придется на начало ноября. К тому времени мы, вероятно, установим источник файлов. Я предлагаю подождать до завершения проверки.

— Зачем?

— Чтобы не принимать окончательное решение под давлением скандала.

— Я отправила запрос до премьеры.

— За пять дней.

— А решила гораздо раньше.

— Когда?

— Ты хочешь дату, после которой сможешь разделить свою ответственность от моей обиды?

— Я хочу понимать, что произошло.

— Хорошо. Начнем с января. Ты принял предложение возглавить фонд еще на два года и сообщил мне вечером после заседания совета. Я уже договорилась с лабораторией в Петербурге о проекте, для которого нужно жить там часть месяца. Ты сказал, что два города для семьи непрактичны, и предложил мне отказаться.

— Я сказал, что мы можем перенести проект в Москву.

— Проект привязан к коллекции и лаборатории. Перенести его было нельзя, я объяснила это тогда.

Я помнил разговор. Вера принесла домой папку с предложением, а я вернулся поздно и за ужином рассказал о контракте. Мне казалось разумным оставить ее работу в Москве: здесь было бюро, квартира, заказчики. Я не воспринимал Петербург как принятое профессиональное решение. Для меня это был вариант, который следовало приспособить к уже утвержденному расписанию.

— Я мог обсудить контракт до подписи, — признал я.

— Мог. В марте я попросила выделить две недели летом, чтобы мы уехали без твоих мероприятий. Ты согласился, а потом поставил на эти даты форум и сказал, что перенесем отдых на осень. В мае я предупредила, что не буду курировать фильм, если продюсеру дадут весь семейный архив. Ты ответил, что Денис разберется с деталями. В июне ты пригласил съемочную группу домой и разрешил снимать кабинет. Я узнала об этом утром в день съемки.

— Они снимали только мои вещи.

— В общей квартире. Среди общих документов. С сотрудниками, которых проверяла я, потому что ты уже уехал на площадку.

Я посмотрел на часы над входом. До записи оставалось девятнадцать минут.

— Почему ты не сказала, что собираешься разводиться?

— Говорила, что больше так жить не буду.

— Это не одно и то же.

— Для тебя — да. Пока я не назвала юридическую процедуру, все остальное можно было считать недовольством, которое пройдет.

— Я не считал твои слова недовольством.

— Что ты изменил после них?

Мне было что перечислить: я сократил два вечерних мероприятия, попросил помощника не ставить встречи на воскресенье, согласился на замену мебели в спальне. Ни одно из этих действий не касалось решений, о которых говорила Вера.

— Недостаточно, — сказал я.

— Ничего существенного.

— Почему совместное заявление? Ты могла подать иск одна.

— Потому что у нас нет несовершеннолетних детей и спора о самом разводе, если ты не создашь его сейчас. И потому что я дала тебе возможность принять участие в решении, которое касается нас обоих.

— У нас есть спор.

— Ты не хочешь развода. Это не спор о праве расторгнуть брак. Суд даст срок на примирение, потом все равно нас разведет. Несколько лишних месяцев ничего не исправят.

Она говорила без заученной твердости. Иногда замолкала, подбирая формулировку. Для нее этот разговор тоже не был служебным. Но она пришла не проверять, сумею ли я сказать правильные слова. Решение уже было принято.

— Я не хочу использовать процедуру, чтобы тебя удерживать, — сказал я. — Но хочу предложить семейного психолога. Отдельное жилье на время. Любой порядок, который даст нам возможность разобраться без спешки.

— Отдельное жилье у меня уже есть.

— С каких пор?

— Договор подписан две недели назад. Вещи я перевозила постепенно. В общей квартире осталось то, что надо разделить или упаковать вместе.

Я знал, что Вера проводит вечера в бюро из-за срочного заказа. Несколько раз она писала, что останется там допоздна, а я возвращался после нее или ночевал в служебной квартире фонда перед ранним выездом. Две недели раздельной жизни поместились в наше расписание так легко, что я их не заметил.

— Где квартира?

— В десяти минутах от бюро.

— Адрес?

— Для документов он не нужен. Если будет причина приехать, я сообщу.

— Я не собираюсь появляться без предупреждения.

— Хорошо.

Ее спокойное согласие прозвучало как фиксация нового правила, а не выражение доверия.

— Дарья знает? — спросил я.

— Знает, что я снимаю квартиру и подала заявление. Я попросила ее не выбирать сторону и не передавать сообщения.

— Когда ты ей сказала?

— В прошлый понедельник. После того как отправила тебе запрос.

— Она мне не позвонила.

— Правильно сделала.

Я представил дочь, которая неделю разговаривала со мной о школе и ремонте в классе, не упомянув развод родителей. Обычно ее прямота казалась мне наследством от Веры. Теперь я видел в ее молчании выполненную просьбу.

— Я поговорю с ней сам, — сказал я.

— О своих отношениях с ней — да. О моем решении — со мной.

— Ты заранее определила, о чем мне можно говорить с дочерью?

— Я определила, что не буду делать ее посредником. Если ты попросишь ее убедить меня, она окажется между нами. Дарье двадцать три, но от этого она не перестала быть нашей дочерью.

Я хотел возразить, что никогда не стал бы давить на нее. Потом вспомнил, сколько раз просил Дарью выбрать подарок матери, узнать ее планы или объяснить, почему я задерживаюсь. Это называлось помощью, пока Вера не перечислила действия прямо.

— Не попрошу, — сказал я.

Вера кивнула и достала телефон.

— Тогда подтверждаем?

На экране моего телефона запрос по-прежнему находился в разделе незавершенных заявлений. Система предупреждала, что данные второго заявителя должны быть заполнены до истечения срока приглашения. Ниже стояла кнопка «Перейти к заявлению».

— Ты допускаешь, что после регистрации мы сможем начать заново? — спросил я.

— Я не принимаю решение о будущем сегодня. Сегодня я прекращаю тот брак, в котором мое согласие считалось необязательным.

— Для меня он не сводится к этому.

— Для меня тоже. Поэтому я не подала заявление после первой отмененной поездки или первого решения без меня. У нас было много хорошего. Оно не дает пожизненного права повторять плохое.

— Я люблю тебя.

Вера посмотрела на меня. В ее лице ничего не изменилось резко, но она ответила не сразу.

— Я знаю. Тебе всегда казалось, что этого достаточно, чтобы остальное можно было отложить.

— А ты меня любишь?

— Этот ответ не изменит сегодняшнее действие.

— Но для меня он важен.

— Тогда подожди, пока я захочу дать его не под дверью ЗАГС и не перед нажатием кнопки.

До приема оставалось девять минут. Я открыл заявление. Паспортные данные были заполнены автоматически, фамилии после развода указаны нынешние. Вера не собиралась возвращать девичью. Я задержался на этой строке.

— Почему оставляешь мою фамилию?

— Я живу с ней двадцать четыре года. На нее оформлено бюро, публикации и лицензии. Это уже моя фамилия тоже.

Ответ был практичным и окончательно отделял имя от брака.

Я проверил сведения. Если бы я закрыл страницу, Вера подала бы заявление одна или обратилась в суд. Задержка дала бы мне время, но это время было бы получено за счет ее свободы. Я уже достаточно раз называл общей пользой то, что выбирал сам.

Я подписал заявление электронной подписью и нажал кнопку отправки.

— Подтверждение пришло, — сказала Вера, глядя в свой телефон.

— Мне тоже.

На обоих телефонах появился статус принятого заявления. В уведомлении стояли отдел ЗАГС, пятое ноября и время — десять тридцать. Ниже система напоминала, что для государственной регистрации достаточно присутствия хотя бы одного из супругов. Если придем вдвоем, каждый сможет сразу получить свой документ.

— Я приду, — сказал я.

— Я тоже, — ответила Вера. — Но если планы изменятся, сообщим друг другу заранее. Не для разрешения. Чтобы второй точно пришел.

— Согласен.

Она отменила резервную запись на личную подачу. Вся процедура заняла меньше десяти минут. За это время наш брак не закончился, но у него появилась дата окончания, определенная не ссорой и не чьим-то уходом, а записью в государственной системе.

Мы поднялись к входу, где нас ждала Надежда. Она поздоровалась со мной и передала Вере тонкую папку.

— Заказчик готов провести внутреннее слушание, — сообщила она. — Пока без расторжения договора. Им нужны письменное объяснение бюро и подтверждение, что доступ был ограничен для всех участников.

— Фонд опубликовал это в субботу, — сказал я.

— Публикацию приложили. Но первая новость уже включена в материалы проверки заказчика. Нам нужен протокол совета с полным списком ограничений и временем принятия решения.

— Запросите у юриста фонда. Я дам согласие на выдачу, если оно требуется.

— Запрос направлен утром.

Надежда говорила со мной как с представителем другой стороны. Раньше мы встречались на днях рождения Дарьи, и она называла меня Романом. Переход не был демонстративным. Изменились обстоятельства и полномочия.

— Есть еще документ, — сказал я. — Письмо Веры от двадцать первого августа. В нем перечислены материалы, которые нельзя передавать продюсеру. Денис ответил, что ограничение принято. Комиссия включила письмо в ключевые доказательства.

Вера посмотрела на меня.

— Ты его нашел?

— Оно было в моей почте. В подборке помощника. Я открыл подборку, но письма не прочитал.

— Значит, нашла комиссия.

— Да. Я не буду приписывать себе чужую работу.

Надежда записала номер документа и спросила, когда можно получить заверенную копию.

— Сегодня после обеда, если совет не возразит. Я попрошу Льва Аркадьевича связаться с вами.

— Просить совет не надо, — сказала Вера. — Сделай то, что входит в твои полномочия, и не обещай больше.

— Хорошо.

Надежда отошла ответить на звонок. Мы остались у ступеней. Вера вложила уведомление о регистрации развода в папку с материалами по своему контракту. Мне не понравилось соседство этих документов, но у нее не было причины носить для них отдельные папки ради моих чувств.

— По квартире, — сказала она. — Я предлагаю заказать независимую оценку, потом либо один выкупит долю другого, либо продадим. Мебель и архив разделим по описи. Дарье предложим выбрать семейные вещи, которые важны ей, но только после того, как сами составим перечень.

— Ты хочешь продать квартиру?

— Скорее да. Я не смогу там жить, а тебе она велика. Но решение примем после оценки.

— Я могу оставить квартиру тебе.

— За счет какой части имущества?

— Без компенсации.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне не нужна дорогая вещь вместо честного раздела. И потому что потом ты будешь считать, что обеспечил мне дом, даже если вслух этого не скажешь.

— Я не веду счет тому, что делал для семьи.

— Ты вчера назвал мое бюро одним из немногих возможных источников, а сегодня предложил квартиру. Эти действия не уравнивают друг друга.

Я замолчал. Возражение снова было готово: я не обвинял ее прямо, квартиру предлагал не из вины. Но Вера говорила не о намерении. Она говорила о порядке, в котором крупный жест должен был заменить точное исправление вреда.

— Равная оценка и равный раздел, — сказал я. — Без торга за личные вещи.

— Это можно записать как предварительную договоренность. Надежда подготовит проект.

— Моего юриста подключим после получения проекта.

— Хорошо.

Надежда вернулась. Они собирались в бюро, где сотрудников ждал разговор о приостановленном договоре. Я предложил отвезти их, но Вера отказалась: машина была заказана. Мы попрощались без новой попытки обсудить чувства.

Я дошел до ближайшего кафе и сел за стол у окна. В телефоне уже стояли встречи на весь день: комиссия, юрист, звонок с продюсером. Между ними оставалось двадцать минут на обед. Раньше помощник сам внес бы новое событие и перестроил расписание. Сегодня я открыл календарь лично.

Пятое ноября, десять тридцать. Отдел ЗАГС. Государственная регистрация расторжения брака.

Я поставил уведомления за неделю и за сутки, добавил адрес и номер записи. В поле участников не стал указывать Веру: у нее было собственное подтверждение и собственный календарь. Сохранил событие, проверил дату еще раз и только потом закрыл экран.

ГЛАВА 4. Условия доступа

В бюро Веры меня попросили снять пальто, оставить телефон в запирающемся шкафчике и заполнить журнал посетителей. Я пришел на десять минут раньше, но пройти дальше приемной не мог до назначенного времени. Администратор выдала мне правила работы с цифровыми копиями и показала строку для подписи.

«Посетителю запрещено подключать личные носители, фотографировать экраны, делать копии документов, перемещать материалы без разрешения ответственного хранителя».

Я прочитал все две страницы. Раньше сотрудники бюро приезжали в фонд, где правила устанавливал я. Здесь мое имя ничего не сокращало.

— Время входа укажите фактическое, — сказала администратор. — Девять пятьдесят две.

Я внес время и расписался.

Вера вышла из лаборатории ровно в десять. С ней были Надежда и молодой человек в сером рабочем халате. Его звали Антон Власов, он отвечал в бюро за цифровую обработку и контроль качества.

— Сегодня мы смотрим только копии, официально полученные от фонда, — сказала Вера. — Наши исходные файлы и клиентские материалы в сравнении не участвуют. Антон ведет протокол. Надежда присутствует как представитель бюро. Если ты согласен с порядком, начинаем.

— Согласен.

— Вопросы о личных вещах и разводе здесь не обсуждаем.

— Понимаю.

Она не стала проверять, действительно ли понимаю. Мы прошли в небольшую комнату с двумя мониторами. Окно было закрыто светозащитной шторой, на столе стояла клавиатура без свободных разъемов. У стены работала крупная сканирующая установка с камерой над рабочей поверхностью. На отдельной полке лежали цветовые шкалы и мерные линейки.

Антон открыл опечатанный конверт, который утром доставил курьер фонда. Сверил номер с актом передачи, показал его Надежде и мне, затем подключил носитель к служебной станции.

— На нем двадцать четыре файла, — пояснил он. — Двенадцать разрешенных изображений из перечня Веры Павловны и двенадцать спорных копий, которые техническая служба фонда извлекла из рабочей папки фильма. Все действия записываются. Исходные файлы останутся без изменений, работать будем с контрольными копиями.

— Кто подтвердил их совпадение? — спросил я.

— Техническая служба фонда рассчитала контрольные значения при выгрузке. Я проверю их после копирования и внесу в протокол. Это не доказывает происхождение файлов, только то, что в дороге они не менялись.

Объяснение было адресовано мне, хотя Надежда явно слышала его не впервые. Я кивнул.

Антон закончил проверку и вывел рядом две фотографии. На первой я стоял у входа в военную академию, Вера держала меня под руку. Снимок входил в разрешенный перечень и раньше публиковался в каталоге выставки. На второй она сидела на краю больничной кровати с Дарьей. Именно этот кадр появился в фильме.

— Внешне обе копии подготовлены для показа, — сказал Антон. — Одинаковый размер по длинной стороне, одинаковое цветовое пространство после экспорта. Служебные поля удалены монтажной программой. Поэтому модель устройства из свойств не прочитать.

— Тогда что мы ищем?

— Следы до обработки. Сначала геометрию.

Он увеличил края разрешенного снимка. Вокруг фотографии оставалась узкая ровная рамка серого цвета, в правом нижнем углу был виден миллиметр цветовой шкалы.

— Наше бюро оцифровывает семейные фотографии на планетарной системе. Оригинал лежит неподвижно, камера находится сверху. Для каждого пакета мы снимаем шкалу и линейку, потом сохраняем мастер-копию без кадрирования. Производные файлы создаются отдельно. Рамка здесь соответствует нашему шаблону.

На спорной фотографии по двум сторонам была темная полоса, а верхний край едва заметно уходил вправо.

— Это что значит? — спросил я.

— Оригинал прижимали к стеклу или клали в рамку другого устройства. Видите светлую линию вдоль левого края? Она появляется, когда фотография немного выгнута и крышка не прилегает полностью. Наш аппарат дает другую картину.

— Можно ли имитировать такой след?

— Можно. Любое отдельное наблюдение можно воспроизвести. Поэтому мы не делаем вывод по одной линии.

Антон открыл изображение письма. На полях были видны мелкие точки. Он наложил на него другое спорное изображение и совместил края. Несколько точек оказались в одинаковых местах.

— Пыль на стекле? — догадался я.

— Вероятно. Между сканированиями стекло не очистили. На снимках, сделанных в бюро, этот рисунок отсутствует. Кроме того, у нас другое разрешение мастер-копии и обязательная цветовая шкала в первом кадре каждой единицы хранения.

— Вы можете утверждать, что спорные файлы созданы не здесь?

Вера ответила раньше Антона.

— Мы можем утверждать, что эти двенадцать копий не соответствуют нашей технологии, нашим шаблонам именования и журналу работ. Для вывода о конкретном устройстве нужен независимый эксперт и исходные файлы более ранней стадии.

— А если сотрудник нарушил правила?

Антон перестал двигать курсор. Надежда положила ручку на стол.

Вопрос был необходим для проверки версии, но я задал его так, словно находился на заседании и мог не учитывать, кому придется отвечать. Передо мной сидел человек, чей договор приостановили из-за моего публичного заявления.

— Сформулирую иначе, — сказал я. — Какие данные позволят проверить, что устройство бюро не использовалось вне установленного порядка?

— Журнал заданий, — ответил Антон. — Аппарат пишет дату, учетную запись оператора, номер задания, разрешение и объем. Журнал уже передан Надежде. За нужный период в нем нет этих изображений. Но независимой стороне следует получить копию напрямую с устройства, а не от нас.

— Я организую запрос через комиссию.

— Запрос уже направлен, — сказала Надежда. — Вам не надо организовывать параллельный.

— Принято.

Антон продолжил сравнение. В трех спорных файлах сохранилась часть цветовой мишени другого производителя. Еще в двух был одинаковый дефект по правому краю. Названия файлов следовали старому формату: дата, номер коробки, порядковый номер. Бюро использовало код проекта, номер единицы хранения и версию.

— Такой формат был у фонда? — спросил я.

— Три года назад, — ответила Вера. — На передвижной выставке подрядчик называл файлы именно так. Потом архивный отдел изменил стандарт.

— Кто был подрядчиком?

— «ДигитАрхив». Работы принимал фонд. Я готовила опись оригиналов, но в оцифровке не участвовала.

Название было знакомым. Компания работала с нами до того, как совет утвердил постоянный договор с бюро Веры. После выставки часть сканов перенесли на сервер фонда, часть вернули на носителях. Я считал проект закрытым.

— У вас сохранились копии с той выставки? — спросил я.

— Только те, что были официально переданы моему бюро для описания, — ответила Вера. — Их перечень находится у Надежды. Сравнение проведет внешний специалист, когда определится порядок доступа.

— Почему не Антон?

— Потому что его работодателя подозревают в утечке. Даже безосновательное подозрение создает конфликт интересов.

Я привык добиваться результата от людей, которые лучше всех знали материал. Вера отказывалась от удобного эксперта, хотя это замедляло защиту ее бюро. Причина была той же, по которой мой доступ закрыли вместе с ее доступом: вывод должен был выдержать проверку чужой стороны.

Антон внес наблюдения в протокол и распечатал черновик. Мы проверили номера файлов. Вера исправила в одном пункте слово «оригинал» на «изображение оригинала».

— Само письмо находится у нас дома, — пояснила она. — Пока не сверена бумага, нельзя писать, что файл сделан именно с него. Возможна промежуточная копия.

— Бумажный оригинал никто не запрашивал? — спросила Надежда.

— Продюсер — нет. Денис просил показать коробку съемочной группе, я отказала.

— Когда?

— В июне, после съемки кабинета. Письмо есть в переписке.

Надежда добавила его в перечень документов. Я помнил тот съемочный день. В доме работали оператор, режиссер, звукорежиссер и двое помощников. Вера приехала к началу, проверила, чтобы из кадра убрали письма и фотографии Дарьи, потом вернулась в бюро. Я поблагодарил ее вечером за порядок. Мне не пришло в голову спросить, сколько лишних просьб ей пришлось отклонить.

— Съемочная группа оставалась в квартире без вас? — спросил Антон.

— После отъезда Веры — около двух часов, — ответил я. — Я находился в кабинете все время, кроме короткого интервью на кухне. Коробки не открывали.

— Вы это видели или предполагаете?

— Дверь шкафа была заперта. Ключ находился у меня.

— Существуют другие ключи?

— У Веры и у Дарьи. Возможно, запасной в ящике прихожей.

Я остановился. Запасной ключ действительно лежал в небольшой металлической коробке вместе с дубликатами от кладовой и почтового ящика. О ней знали домработница и бывший помощник, который организовывал ремонт. Съемочной группе никто не показывал коробку, но утверждать, что доступ был только у трех членов семьи, я уже не мог.

— Нужно проверить запасной, — сказал я.

— Во время инвентаризации квартиры, — ответила Вера. — Не сегодня и не без свидетеля.

— Когда проведем?

— В субботу. Надежда договорится с нотариусом о фиксации осмотра и описи.

— Нотариус обязателен?

— Нет. Но после публикаций я хочу, чтобы состояние коробок и замков подтвердил независимый человек.

— Я оплачу половину.

— Счет разделим после работы.

Она не отказалась от денег и не приняла оплату целиком. Еще неделю назад такая точность показалась бы мне ненужной между супругами. Сейчас она защищала обоих от будущей версии, будто один устроил процедуру, а второй только согласился.

Мы перешли в комнату для хранения рабочих материалов. Вера открыла шкаф с разрешенными копиями. Каждая папка имела номер, дату поступления и отметку о проверке. Фонд получал такие отчеты ежемесячно, но я обычно читал сводную страницу. Теперь пришлось просмотреть цепочку полностью.

Фотография из академии поступила в бюро весной прошлого года. Ее отсканировали заново из каталожного отпечатка, потому что мастер-файл старой выставки имел недостаточное разрешение. Спорная фотография из роддома в бюро не поступала. В описи семейного архива она значилась как хранящаяся у владельцев.

— Но ее описание было на сервере фонда, — сказал я.

— Описание без изображения, — ответила Вера. — Название, приблизительная дата, размер и место хранения. Для научной описи этого достаточно.

— Кто видел карточку?

— Все сотрудники архивного проекта. Она не содержит частных сведений, кроме самого факта существования фотографии.

— Денис видел?

— У него был доступ к каталогу для выбора материалов. По карточке он мог узнать, что снимок есть, но получить изображение из бюро не мог.

— Значит, мог запросить его в другом месте.

— Да.

Надежда попросила не превращать рабочее сравнение в допрос. Я согласился и вернулся к протоколу. В нем уже было достаточно для следующего шага: общий формат имен старой выставки, признаки сканирования на стекле и след цветовой мишени, которую «Контур памяти» не использовал.

В одиннадцать тридцать администратор принесла Вере список звонков. Два клиента просили срочно подтвердить условия хранения своих документов. Один назначил внеплановую проверку. Еще один перенес передачу коллекции на неопределенный срок.

— Людям можно сказать, что бюро работает в обычном режиме? — спросил Антон.

— По действующим договорам — да, — ответила Вера. — Новые материалы пока не принимаем. Сначала проводим проверки по запросам клиентов.

— А зарплата за октябрь?

— Будет полностью. Если испытательный срок по городскому договору не возобновят, в ноябре пересмотрим загрузку. До этого никого не сокращаем.

Антон кивнул, но не выглядел успокоенным. В бюро работали шесть человек. Их фамилии я знал из договоров, но только сейчас увидел, что публичная фраза затронула конкретные зарплаты и заказы.

— Фонд может направить клиентам официальное разъяснение, что проверка не установила нарушений со стороны бюро, — предложил я.

— Может, — сказала Надежда. — Проект текста сначала согласуют обе стороны. Без формулировки о том, что Вера сотрудничает со следствием или обязалась предоставить дополнительные сведения.

— Почему вы предполагаете такую формулировку?

— Потому что она уже была в ночном комментарии фонда.

Я вспомнил слова Дениса: «семья сотрудничает». Фразу убрали из финального сообщения, но раннюю версию успели разослать нескольким редакциям.

— Составьте текст от имени бюро, — сказал я. — Юрист фонда проверит только факты и ответственность. Если совет согласует, подпишу сегодня.

— Не вы один, — поправила Вера. — Решение о проверке принимал совет. Разъяснение должно идти от совета, иначе оно снова будет выглядеть как семейная договоренность.

— Верно.

Она на мгновение задержала на мне взгляд и вернулась к списку звонков. Я не стал считать это одобрением. Умение принять поправку с первого раза было слишком малым изменением, чтобы ждать за него награды.

В конце встречи Антон сохранил протокол, распечатал три экземпляра и предложил каждому проверить свою часть. Я прочитал документ полностью. В выводах не было слов «доказано» и «утечка». Было сказано, что технические признаки спорных изображений отличаются от стандартов и оборудования бюро, а формат имен соответствует образцам проекта трехлетней давности. Для установления источника требовались журналы подрядчика, исходные носители и независимое исследование.

— Замечания? — спросил Антон.

— В пункте семь добавьте, что сведения о старом формате сообщила Вера Павловна и они требуют документального подтверждения, — сказал я.

Он внес фразу. Мы подписали каждый лист.

Перед уходом администратор вернула телефон и отметила время. В приемной появилась курьерская коробка с материалами клиента. Вера сама проверила пломбу, прежде чем сотрудник унес ее в хранилище. Ее рабочий день продолжался, хотя часть людей, которым она должна была доказать надежность, еще неделю назад не сомневалась в ней.

— В субботу в квартире в десять, — напомнила она.

— Буду.

— До этого коробки не открывай.

— Не открою.

Я хотел спросить, когда она забрала из дома последние вещи и почему не сказала. Условия встречи исключали личный разговор, и я сам с ними согласился. Поэтому спросил только то, что относилось к делу:

— У кого запросить документы по «ДигитАрхиву»?

— У фонда. Договор подписывал ваш прежний исполнительный директор, акты принимала проектная группа. В приложениях должен быть перечень оборудования.

— Ты сохранила свои письма по выставке?

— Да. Надежда передаст их комиссии по описи.

— Спасибо.

Вера поправила:

— Это не одолжение. Я защищаю работу бюро.

— Понимаю.

На улице я позвонил Ирине Беловой и попросил официально запросить у «ДигитАрхива» договор, перечень оборудования, журналы заданий и сведения о резервных копиях старой выставки. Она уточнила основание. Я зачитал вывод протокола, не добавляя собственных предположений.

— Значит, след ведет к прежнему подрядчику? — спросила она.

— Технический признак ведет к проверке его оборудования. Следом он станет только после документов.

— Хорошо. Отправляйте протокол юристу, запрос подпишу сегодня.

Я завершил звонок и записал название компании в блокнот. Впервые за четыре дня список возможных источников сузился не из-за родства, доступа или удобной версии для прессы. Его сузили форма края, старая система имен и пыль на стекле устройства, которым бюро Веры не пользовалось.

ГЛАВА 5. Чужой скан

На увеличенном изображении край письма занимал весь экран. Светлая полоса шла вдоль сгиба, а за ней повторялись четыре темные точки. Антон совместил этот фрагмент с фотографией из роддома. Точки совпали, хотя оригиналы отличались размером и были сняты в разные годы.

Вторую рабочую встречу проводила комиссия фонда. Поэтому мы сидели не в бюро, а в технической комнате архивного отдела. Присутствовали Лев Аркадьевич, Вера, Надежда, Антон и специалист фонда. Денис подключился по видеосвязи, заявив, что не может оставить переговоры с продюсером.

— Совпадение устойчивое, — сказал Антон. — На шести файлах виден один рисунок загрязнения. Вероятнее всего, они прошли через одно стекло в пределах короткого периода. Но по готовым изображениям нельзя установить дату сканирования.

Специалист фонда вывел свойства разрешенной копии и спорной.

— Здесь разные принципы подготовки, — продолжил Антон. — У бюро мастер-файл хранится с полями, шкалой и профилем. Производная копия создается по записанному заданию. В спорных файлах поля обрезаны еще до поступления в монтаж. Остался фрагмент другой шкалы.

— Такой шкалой пользовался «ДигитАрхив»? — спросила Надежда.

— По фотографиям с выставки — да. Я нашел четыре опубликованных изображения из старого каталога. На одном сохранился тот же вид мишени и похожая граница прижимной рамки.

— Похожая или та же? — уточнил Лев Аркадьевич.

— Похожая. Для уверенного вывода нужны их рабочие файлы и журнал оборудования.

Денис заговорил из динамика:

— Мы обсуждаем пыль на стекле второй день. Для публики это ничего не значит. Продюсер требует снять запрет на показы к вечеру. Они готовы убрать адрес и фотографию из роддома, но письмо считают законно полученным по акту.

— Показы не относятся к этой встрече, — ответил Лев Аркадьевич.

— Они относятся к ущербу фонда. Каждый отмененный сеанс стоит денег и доверия партнеров.

— Использование чужой личной переписки тоже стоит денег и доверия, — сказала Вера. Денис сменил тон.

— Вера Павловна, я не спорю с вашим правом возражать. Предлагаю разделить техническую проверку и показ версии без двух очевидно чувствительных кадров.

— В фильме остается мое письмо мужу.

— Фрагмент письма, относящийся к службе Романа Ильича.

— Я писала его не фонду и не зрителям.

— Это оценят юристы по документам старой выставки.

Я слушал Дениса и узнавал аргументы, которые сам мог привести неделю назад: общественная ценность, просветительская цель, ограниченный фрагмент. Каждый довод выглядел разумным, пока не требовалось назвать человека, чье согласие решили заменить трактовкой договора.

— До получения акта и приложений показы не возобновлять, — сказал я. — Решение совета действует.

— Я обязан предупредить, что продюсер выставит неустойку.

— Передайте расчет юристу.

— И комментарий для прессы?

— Комиссия сообщит только о продолжении проверки.

— За два дня молчания версию сформируют без нас.

— В прошлый раз мы поспешили с версией. Последствия у тебя перед глазами.

Денис посмотрел в сторону, вероятно, на второй монитор.

— Тогда прошу зафиксировать, что директор отклонил рекомендацию службы коммуникаций.

— Зафиксируйте, — ответил я.

Секретарь внесла фразу в протокол. После премьеры Денис стал чаще требовать письменных отметок о разногласиях. Это было его право и разумная защита. Я делал то же самое, когда ожидал проверки собственных решений.

К полудню пришел ответ «ДигитАрхива». Компания подтвердила, что оцифровывала материалы выставки три года назад, но отказалась передавать журналы напрямую фонду. В письме ссылались на претензии Веры, требование о сохранении данных и возможный спор о неправомерной передаче файлов. До согласования со всеми сторонами подрядчик готов был сообщить только перечень оборудования и фамилию ответственного руководителя.

— Они защищаются, — сказал Лев Аркадьевич. — Если отдадут журнал нам, а потом выяснится, что фонд сам нарушил договор, их обвинят в изменении или выборочной выдаче данных.

— Можно получить его по совместному запросу? — спросил я.

Надежда просмотрела ответ.

— Теоретически да. Но бюро не должно поручать фонду получение доказательства против фонда. Нужна независимая сторона.

— Нотариус?

— Он может зафиксировать выдачу, но не оценит технические записи. Лучше специалист, которому доверят носитель и журнал.

— Кандидатуры есть?

— Мы предложим две. Совет выберет одну или даст свой список.

Денис вмешался:

— Это затянется на неделю. У фонда есть штатный специалист.

— Штатный специалист подчиняется директору, чья подпись может стоять под спорным актом, — сказала Ирина Белова. Она вошла в комнату во время чтения письма и остановилась у двери. — Совет поддержит независимую проверку.

Я не услышал, как она подошла. Ирина заняла свободное место и попросила показать ей протокол.

— Выбираем эксперта сегодня, — продолжила она. — Оплату делят фонд и продюсер. Если продюсер откажется, фонд оплатит аванс, а расходы включит в требования по итогам проверки. Бюро Веры не платит за установление источника материала, который оказалось вынуждено защищать.

— Я готов оплатить свою часть лично, — сказал я.

Вера повернулась ко мне.

— Зачем?

— В деле есть моя подпись и мои семейные документы.

— Тогда оплачивай личного юриста. Эксперт нужен совету и сторонам договора. Не смешивай частную компенсацию с процедурой.

Ирина дождалась моего ответа.

— Согласен. Платит фонд по решению совета.

Мы утвердили критерии: опыт исследования цифровых архивов, отсутствие договоров с фондом, бюро и продюсером за последние три года, готовность работать при всех предста-

вителях и хранить носители до завершения спора. Надежда назвала Олега Горина. Он проводил технические экспертизы для музеев и страховых компаний. Лев Аркадьевич предложил другого специалиста из экспертного центра. Оба имени внесли в протокол для проверки конфликтов.

После встречи Вера задержалась у окна, пока Надежда говорила с Ириной. Я собирал свои листы и не искал повода остаться с ней наедине. Она сама подошла к столу.

— Заказчик бюро назначил слушание на тридцатое октября, — сказала она. — До этого договор будет приостановлен.

— Зарплаты людям хватит выплатить?

— В октябре — да.

— Если не хватит, скажи.

— Зачем?

— Я не предлагаю купить твое решение. Речь о людях, которые пострадали из-за моего заявления.

— Если фонд признает причиненный ущерб, юристы рассчитают компенсацию. Личные переводы от тебя создадут новую зависимость и еще один спор о мотивах.

— Понял.

— Правда?

— Правда. Я не буду переводить деньги, звонить заказчику или сотрудникам. Если понадобится официальный шаг, Надежда направит запрос.

— Хорошо.

Вера взяла свой экземпляр протокола. На пальце не было кольца. Я заметил это еще в бюро, но тогда решил, что она сняла его перед работой с материалами. Сейчас мы не находились в лаборатории.

— Кольцо осталось в квартире? — спросил я.

— В банковской ячейке вместе с украшениями, которые надо включить в раздел.

— Это мой подарок.

— Поэтому юрист и определит, относится ли оно к личной вещи. Я не собираюсь спорить из-за кольца.

— Я тоже.

— Тогда не будем начинать.

Она ушла к Надежде. Я остался у стола и понял, что любой разговор мог незаметно вернуться к нашему браку, даже если начинался с технического протокола. Вера останавливала этот переход раньше, чем рабочая встреча становилась способом добиться личного ответа.

Во второй половине дня комиссия получила перечень оборудования старой выставки. «ДигитАрхив» использовал два планшетных сканера для фотографий и один планетарный для книг. Модель цветовой мишени совпала с фрагментом на спорных файлах. Разрешение и максимальный размер области сканирования тоже подходили.

— Этого хватит для публичного заявления? — спросил Денис на оперативном совещании.

— Нет, — ответили Лев Аркадьевич и я одновременно.

Денис посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Тогда предлагаю хотя бы снять прямое упоминание бюро из ответов журналистам.

— Оно не должно было там появляться, — сказал я.

— Появилось не по нашей воле.

— Первую информацию об ограничении доступа дал источник в фонде. В публикации не было данных о закрытии наших учетных записей.

— В фонде больше тридцати сотрудников. Вы хотите проверять телефоны у каждого?

— Нет. Но список людей, знавших решение до публикации, комиссия получит.

— Получит. Моя служба уже готовит.

— Не твоя служба. Отдел внутреннего контроля.

На этот раз он не потребовал записать разногласие. Сложил документы и спросил, утвердил ли совет пресс-релиз о переносе показов. Я подтвердил только короткое сообщение без версий и фамилий.

Вечером Ирина позвонила мне домой. Я находился в общей квартире один. После ухода Веры в шкафу освободилась половина места, в ванной исчезли ее кремы и лекарства, а на кухне осталась одна чашка из набора, который мы купили в Казани. Она забрала вещи аккуратно, не оставив коробок у двери и списка претензий на столе.

— Проверку конфликтов прошел Олег Горин, — сообщила Ирина. — Второй кандидат консультировал продюсера два года назад. Горин готов начать в понедельник, если завтра получит договор и порядок доступа.

— Утверждайте.

— Это должен сделать совет. Электронное голосование уже запущено. Я звоню по другому поводу. Вы говорили с бывшим исполнительным директором о старой выставке?

— Нет. Сначала нужны документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.